

С. В. АНАНЬЕВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В КАЗАХСТАНЕ

Изучение творчества Достоевского в Казахстане является одним из важных направлений в исследовании русской классической литературы. Казахстан, как известно, вошел в судьбу Достоевского трагическими страницами ссылки в Семипалатинск — в 1854 г. Достоевский был зачислен рядовым в Седьмой сибирский линейный батальон. Почти пять лет провел писатель на казахской земле, в 1971 г. в его доме в Семипалатинске был открыт литературно-мемориальный музей. Сотрудники музея проводят большую и разностороннюю работу по популяризации творчества Достоевского в аспекте казахско-русских культурных связей. В 1977 г. рядом с музеем был поставлен памятник «Федор Достоевский и Чокан Валиханов» московского скульптора Д. Элбакидзе.

Фонды музея насчитывают свыше 21 тысячи музейных экспонатов, включая уникальные коллекции книг с автографами, мемуарную литературу, периодические издания XIX–XX вв., рукописи и документы, редкие фотографии. Научными сотрудниками музея готовятся материалы в помощь учителям литературы и студентам-словесникам. К 180-летию со дня рождения Достоевского было опубликовано методическое пособие «Человек и вечность в творчестве Достоевского»¹. Пособие включает в себя разделы: «Образ смеха в „Записках из Мертвого дома“», «Фольклорная и средневековая символика»; «Мистический Достоевский. Достоевский и образы Таро», а также: «Общность мотивов (роман В. Шукшина „Любавины“ и роман Достоевского „Записки из Мертвого дома“, глава „Акулькин муж“)»; «Сны Родиона Раскольников и Егора Любавина по роману Достоевского „Преступление и наказание“ и роману В.М. Шукшина „Любавины“»; «О некоторых реминисценциях Достоевского („Записки из Мертвого дома“) у Б. Пастернака („Доктор Живаго“)»; «Тема смерти в романе Достоевского „Преступление и наказание“ и в стихотворении Б. Пастернака „Метель“»; «Выздоровление Мари и тайна князя Мышкина — мотивы романа „Идиот“ Достоевского в „Пробуждении“ Г. Газданова». Часть разделов имеет методическую

¹ Рыбченко Е. Человек и вечность в творчестве Достоевского. Семипалатинск, 2001. 72 с.

направленность. К таким можно отнести «Урок „Мир спасется красотой“»; «Повесть Достоевского „Село Степанчиково и его обитатели“ в 10-м классе» (урок № 1 по литературному краеведению); «Проблема творчества и тирании, или Развитие мотива „я“ и „другие“ в семипалатинской повести „Село Степанчиково и его обитатели“» (урок № 2).

За последнее десятилетие увидели свет книги и статьи казахстанских литературоведов, посвященные творчеству Достоевского в целом², анализу конкретных произведений³ и поиску параллелей в мировой литературе⁴. В 2004 г. в Семипалатинске была проведена Международная научно-практическая конференция «Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность» и изданы ее материалы⁵. По мнению участников, на конференции царил «настрой доверительного разговора и заинтересованного научного общения», творчество писателя интерпретировалось в современном религиозно-философском и культурно-историческом контекстах. Авторы данного сборника обнаруживают связующие нити между наследием Достоевского и творчеством Ф. Ницше, А. П. Чехова, С. Франка, П. Козьло и др. В сборник вошел также раздел «Достоевский и культура Казахстана», который содержит новые разыскания сотрудников Семипалатинского литературно-мемориального музея Т. К. Автушко, Н. Е. Барбарат, Л. Ф. Шлихтемаер, Е. Рыбченко. Новое прочтение произведений Достоевского представлено в сообщении Г. Т. Жумасеитовой «Достоевский на казахской балетной сцене». Представлены материалы, посвященные исследованию темы дружбы Достоевского и Ч. Ч. Валиханова (М. Р. Султанбекова, С. К. Жибраева)⁶. В своем выступлении на конференции правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский подчеркнул, что приехал на казахстанскую землю, «чтобы от всех Достоевских поклониться этой земле, на которой происходило „воскресение из мертвых“», духовное возрождение величайшего из гениев мировой литературы⁷.

² *Ананьева С. В.* Творчество Достоевского в исследованиях современных литературоведов // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 2010. Сб. 8. С. 4–9.

³ *Демежанов Т. М.* Об архетипической основе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филологический анализ текста. Барнаул, 2007. Вып. VI. С. 31–34.

⁴ *Тусупова А. К.* Сравнительный анализ образов Дэвида Копперфильда Ч. Диккенса и Родиона Раскольникова Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. С. 88–92; *Рыбченко Е. С.* Мотив тайны в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» и в русских народных сказках «Иван Бесталаный и Елена Премудрая», «Вещий сон» // Там же. С. 72–80; *Григорьева О. Н.* Опыт несвободы. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Этап на восьмью» Виктора Васильева // Достоевский и мировой литературный процесс. Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. Омск, 2007. С. 28–33; и др.

⁵ Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность. Семипалатинск, 2004. 256 с.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ *Достоевский А. Д.* Слово о Достоевском // Там же. С. 7.

Следует отметить, что в работах казахстанских исследователей ясно видно стремление изучать творчество писателя в его связи с национальной литературой (М.Р. Султанбеков, С.К. Жибраев), в контексте истории русской литературы (В.В. Савельева, Г.Г. Лукпанова, Л.С. Рыгалова, О.А. Иост) и мирового литературного процесса (А.К. Тусупова, С.В. Ананьева). Важно отметить, что цех казахстанских достоевцев пополняют молодые исследователи (А. Ходжиков, Д. Чен, А. Шаймерденова). В вузах страны регулярно защищаются диссертации о творчестве русского писателя: Т. Акпамбетовой «Достоевский и Ч. Валиханов», К.М. Мукушевой «Қазақ әдебиетіндегі дәстүр ықпалдастығы және аудармадағы характер проблемасы (Достоевскийдің „Нақұрыс“ романының аудармасы бойынша)» («Взаимовлияние традиций в казахской литературе и проблема характера в переводе (на примере романа Достоевского „Идиот“»)). В этой работе исследованы особенности художественного перевода романа Достоевского «Идиот» на казахский язык (переводчик — Н. Сыздыков); проведен сопоставительный анализ лексики оригинала и перевода, особенностей передачи философско-религиозных взглядов героев писателя в русском и казахском тексте, а также роль Достоевского в развитии казахской литературы.

Ранее, в 1960–1980 гг., на филологическом факультете Казахского государственного университета существовал ряд спецкурсов и семинаров о творчестве И.С. Тургенева и Достоевского, который читала Н.К. Савченко. «Её работы по изучению поэтики романов Достоевского печатались в российских изданиях (журналы „Филологические науки“, „Русская литература“). По предложению Московского государственного университета материалы ее спецкурсов были изданы в качестве специальных пособий: „Проблемы художественного метода и стиля Достоевского“ (М., 1975) и „Сюжетосложение романов Достоевского“ (М., 1982). Из семинаров Савченко вышла группа филологов, которые продолжили заниматься Достоевским в аспирантуре и позже защитили диссертации в России (Г.Г. Лукпанова, В.В. Савельева, Г.З. Горбунова, Н.К. Данилова, Н. Каменева, Л.С. Рыгалова)»⁸.

В работе Л.С. Рыгаловой о поэтике литературного портрета в аспекте экфрасиса осуществлен анализ описаний внешности литературных ге-

⁸ Савельева В.В. Русская литература в ближнем зарубежье: взгляд из Казахстана // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья: Материалы Междунар. научно-практич. конф., посвящ. 190-летию кафедры истории русской литературы филолог. фак-та СПб. гос. ун-та / Отв. ред. А.А. Карпов. СПб., 2011. С. 539. Некоторые из ее учеников защитили диссертации: Лукпанова Г.Г. Трансформация мотивов и образов Пушкина и Лермонтова в творчестве Достоевского. М., 1989; Рыгалова Л.С. Достоевский и Толстой в середине 1870-х годов («Подросток» и «Анна Каренина»). Л., 1984; Савельева В.В. Идеино-художественная функция символики в реалистической системе романа Достоевского «Братья Карамазовы». Л., 1980.

роев⁹. В другой работе исследовательницы проведено описание хронолога романа «Подросток», сделаны наблюдения над композицией и формой повествования в романе¹⁰. Исследовательница обнаруживает в романе Достоевского ряд так называемых «точек отсчета» в сюжете, играющих основную роль в процессе образования сюжетного события. По ее мнению, композиционное строение каждой из частей произведения идентично, в структуру каждой из них входят одни и те же элементы: «предварение», хронологический цикл, начинающийся с «точки отсчета» и «разрядка». Например, «точкой отсчета» первой части романа является 19 сентября, второй части — 15 ноября, третьей части — день выздоровления Аркадия Долгорукова. Эти даты играют сюжетообразующую роль и многократно повторяются повествователем, причем каждый хронологический цикл описывает события трех-пяти дней. Хотя хронологический ориентир, открывающий каждый из циклов, до предела насыщен событиями и психологическими метаморфозами (описанию этого дня отдано больше половины глав в каждой части), наиболее драматические и конфликтные ситуации приходится на последующие дни цикла, включая мотивы шанстажа, самоубийства или жизненной катастрофы. Далее, за напряженными событиями неизбежно наступает «разрядка», сюжетная динамика замедляется, и в жизни героя наступает период относительно спокойного времени. Но спокойствие это весьма ненадежно и быстротечно: в недрах его уже зреют события, которые явятся предпосылками нового динамического подъема, или «предварением» нового «хронологического цикла». Тем самым исследовательница сравнивает развитие сюжета «Подростка» «с движением по спирали, каждый виток которой в основном повторяет предшествующий, но в то же время обогащен каким-то новым качеством»¹¹. Рыгалова утверждает, что в романе Достоевского «Подросток» прослеживаются многие признаки нового, нефабульного типа связи — так называемого «закона сцеплений», впервые изученного на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»¹². Имеются в виду многозначность и многоплановость сюжета; относительная самостоятельность отдельных элементов (частей, сюжетных линий, эпизодов); процесс «децентрализации» или «падения определяющей роли главного героя»; «свернутые ситуации» и отсутствие всё завершающего и всё объясняющего финала.

Продолжая эту же тему в статье «„Закон сцеплений“ в романе Достоевского „Подросток“», исследовательница высказывает мнение, что художественное единство в «Подростке» «не может быть увидено,

⁹ Рыгалова Л. С. Некоторые особенности портрета в романе Достоевского «Подросток» // Литературные маргиналии: Межвузовский сборник научных трудов. Алма-Ата, 1992. С. 19–22.

¹⁰ Рыгалова Л. С. Композиция романа Достоевского «Подросток» // Жанрово-стилевые искания и индивидуальность писателя: Сборник научных трудов. Алма-Ата, 1994. С. 22–27.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же. С. 26.

если исходить из представлений только о традиционной фабульной связи как ведущем композиционном принципе любого художественного произведения»¹³. Как тип связи принцип «сцеплений» создается на основе различных видов повтора. Прием этот наиболее тщательно разработан Достоевским именно в «Подростке»: повторяются детали внешности различных героев, их поступки, ситуации, в которых они оказываются. В каждой части Подросток вступает в прямой диалог с Версиловым и Ахмаковой, и с этими встречами связаны узловые моменты повествования. Все встречи-диалоги с Ахмаковой происходят на одной и той же территории — на квартире у Тагьяны Павловны. Место встреч с Версиловым, напротив, всякий раз иное, но повторяется время этих встреч — все они происходят в конце дня и оказываются его завершающим событием.

В работе, посвященной сравнительному анализу произведений Достоевского и Л.Н. Андреева¹⁴, отмечается большое влияние, которое испытывал Андреев со стороны автора «Записок из подполья». Исследовательницей обнаружены общность тем и преемственность идей, литературных типов и средств художественного изображения, обращение к поискам истины в области «неясного» и «неразрешенного», философское переосмысление вековых ценностей в эпоху бесконечно усложнившейся общественной жизни¹⁵. Согласно мнению автора работы, такое же влияние Достоевского испытал и Ницше, в то время как Л. Андреев пережил увлечение произведениями и того, и другого, и это связанное комплексное влияние привело к формированию в его творчестве специфической модели «сверхчеловека» с его особым отношением к интуитивным формам познания окружающей действительности. Оба писателя использовали в своих повестях форму прямого высказывания героя о себе («исповедь»), осуществляя важнейший для реализма принцип «вживания в самую разнообразную человеческую натуру, не только внутренне близкую писателю, но и чуждую и даже отвратительную для него»¹⁶. В связи с этим Достоевский разработал две разновидности исповедальной формы: первая утверждала провозглашаемые героем идеи, вторая — корректировала или даже отвергала их. Андреев не просто ориентировался на вторую разновидность, но и творчески ее развил, предлагая читателю, по словам А. Измайлова, уже даже не читать между строк, а читать в строках «противоположное тому, что в них написано»¹⁷.

¹³ Рыгалова Л. С. «Закон сцеплений» в романе Достоевского «Подросток» // Проблемы поэтики и стиховедения: Сборник научных трудов. Алматы, 1996. С. 38–43.

¹⁴ Рыгалова Л. С. 1) «Сверхчеловек» Достоевского и Л. Андреева // Проблемы поэтики и стиховедения. Тезисы межвузовской научной конференции. Алматы, 1993. С. 94–96; 2) Проблема авторской позиции в повести Л. Андреева «Мои записки» // Проблемы поэтики. Межвузовский сборник научных трудов. Алматы, 1998. С. 45–57.

¹⁵ Рыгалова Л. С. «Сверхчеловек» Достоевского и Л. Андреева. С. 95.

¹⁶ Бочаров С. Г. Характеры и обстоятельства // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., 1962. С. 415.

¹⁷ Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 276.

Следует отметить вклад в казахстанское достоеведение профессора В. В. Савельевой. Ее работы посвящены поэтике романа Достоевского «Братья Карамазовы»¹⁸, а также межтекстовым отношениям творчества Достоевского и Г. Р. Державина¹⁹.

Метатекстовый статус сюжетной линии «меньших братьев» в романе Достоевского «Братья Карамазовы», энтомологические и хтонические мотивы в романах Достоевского, темы «Достоевский и „Шинель“ Гоголя», «Достоевский и Пушкин: суэта и свобода» входят в сферу научных интересов Г. Г. Лукпановой; исследовательница сосредоточивается на лермонтовских мотивах в произведениях Достоевского²⁰, а также на сравнении свойств его поэтики с особенностями творчества А. П. Чехова²¹. Анализируя драму Пушкина «Пир во время чумы» (1830) и рассказ Достоевского «Бобок» (1873), исследовательница выявляет их жанровое сходство: «вводя мотивы своего предшественника в круг создаваемых им образов, проецируя эти мотивы в сутолоку современной ему повседневности, в иной жанр, „прозаизируя“ и профанируя их», Достоевский сохраняет трагическое звучание описанных Пушкиным ситуаций²².

Изучение повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» позволяет Лукпановой увидеть в этом произведении «многомерную систему отношений с пушкинскими текстами и в первую очередь с романом „Евгений Онегин“»²³. Отсюда рождается вывод о сюжетном парафразе в этом произведении ряда трагических судеб «пушкинских героинь»²⁴.

¹⁸ Савельева В. В. 1) Поэтические мотивы в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. С. 125–134; 2) Об одной литературной параллели к роману «Братья Карамазовы» // Жанрово-стилевые искания и индивидуальность писателя. Алматы, 1994. С. 17–22; 3) Онейрический цикл в поэтике романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы поэтики и стиховедения. Алматы, 2003. Ч. 1. С. 108–114.

¹⁹ Савельева В. В. 1) Достоевский и Державин: проблема межтекстовых отношений // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции: Научные статьи, доклады. Тамбов, 1993. С. 67–72; 2) Бог у Достоевского и Державина (параллельный анализ художественных текстов) // Проблемы поэтики и стиховедения. Алматы, 1993. С. 97–99.

²⁰ Лукпанова Г. Г. Трансформация лермонтовских мотивов и образов в романе Достоевского «Бесы» // Эволюция художественных форм и творчество писателя: Сб. науч. трудов. Алма-Ата, 1989. С. 29–37.

²¹ Лукпанова Г. Г. 1) Чехов и Достоевский: к проблеме межтекстовых связей // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Алматинского университета и памяти проф. А. Л. Жовтиса (19–21 мая 2003 г.). Алматы, 2003. Ч. 1. С. 225–230; 2) Трансформация сюжетных мотивов и ситуаций Ф. М. Достоевского в ранних рассказах А. П. Чехова // Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность. С. 166–172.

²² Там же. С. 334.

²³ Лукпанова Г. Г. О пушкинском интертексте повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Проблемы поэтики и стиховедения. Алматы, 2009. С. 480.

²⁴ Там же. С. 486.

Крупнейший научно-филологический центр Казахстана, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, также уделяет немало внимания изучению творчества Достоевского, в частности теме культурного взаимовлияния «Сибирь–Казахстан», которую развивает С.В. Ананьева²⁵. Недавно был опубликован труд «Время–Пространство–Автор. Прием автобиографизма и пространственно-временная организация художественного текста»²⁶, который получил большой позитивный резонанс в научных кругах страны²⁷. В центре внимания исследовательницы оказываются процессуальность художественного времени в «Идиоте» и «Преступлении и наказании», хронотоп сюжета «Братьев Карамазовых» в сравнении с «Пиковой дамой» Пушкина. Автор приходит к выводу, что Достоевский отказывается от непрерывного исторического и биографического времени, но концентрирует действие в точках кризисов, переломов и катастроф. По мнению исследовательницы, действия сосредоточены в пределах хронотопа «порога» (у дверей, при входе, на лестнице, в коридоре и т. д.), метафорой которого может стать гостиная или городская площадь.

Казахстанские литературоведы П. Д. Поминов и Е. И. Поминова, авторы исследования «„Маленький человек“ и большая Сибирь в судьбе Достоевского», акцентируют свое внимание на значении в творческой биографии Достоевского его семипалатинского периода жизни — времени, когда он вернулся к литературному творчеству, когда происходила «огромная духовная работа» и, самое главное, «состоялась встреча с жизнью, с живой жизнью»²⁸. Достоевскоеды Казахстана продолжают изучение творчества писателя, активно публикуются в отечественных и российских изданиях, а также в научных журналах других стран, принимают активное участие в организации и проведении научных конференций по русской литературе.

В последние годы были также осуществлены новые переводы произведений Достоевского на казахский язык, например, вышли «Братья Карамазовы» в переводе Н.С. Сыздыкова. Автор вступительной статьи — доктор филологических наук, профессор А.С. Исмакова²⁹. Следует отметить, что произведения Достоевского входят в программу по литературе казахстанской средней школы, что отражено в учебных пособиях: «Русская классическая литература и современность. Учебник для 10-го класса естественно-математического направления» (Алматы, 2010), «Русская классическая литература и современность. Учебник для 10-го класса общественно-гуманитарного направления» (Алматы, 2010).

²⁵ См. об этом: *Кушникова М., Тогулев В.* Слово к читателю // *Голоса Сибири: Литературный альманах.* Кемерово, 2006. Вып. 4 / Сост.: М. Кушникова, В. Тогулев. С. 5.

²⁶ *Ананьева С. В.* *Время–Пространство–Автор. Прием автобиографизма и пространственно-временная организация художественного текста* / Под общей ред. С. А. Каскабаева. Алматы, 2003.

²⁷ *Бадиков В. В.* От Достоевского до Айтматова // *Евразия.* 2004. № 3. С. 98.

²⁸ *Поминов П. Д., Поминова Е. И.* «Маленький человек» и большая Сибирь в судьбе Достоевского // *Достоевский и мировой литературный процесс.* С. 64.

²⁹ *Достоевский Агайынды Карамазовтар.* Астана, 2004.